

Последовавший ответ был полной неожиданностью для Дамблдора, и пришел он не от гоблина, а первокурсника:

– Можете не сдерживать! Я уверен, пресса, да и Министерство Магии, будут крайне заинтересованы тем, что национального героя подбросили на порог к маглам с письмом и крестражем Волдеморта в голове. Действительно, великолепное решение от Лидера Света, которое он, к тому же, не имел права принимать!

Помона не пропустила, как лица ее шокированных коллег постепенно становились серо-зеленого оттенка и спросила:

– Что такое крестраж?

Ответ опять пришел от Гарри:

– Один из самых черных магических ритуалов; при помощи убийства маг раскалывает свою душу и помещает оторванную часть в некий объект. После убийства Джеймса и Лили Поттеров произошло нечто странное, небольшая часть души Волдеморта оторвалась самостоятельно и оказалась во мне. Судя по всему, у него к тому моменту уже было несколько крестражей, так что его нельзя по-настоящему убить, пока хотя бы одна часть его души цела. Отец в первый же день отправил меня к гоблинским целителям, и они уничтожили эту мерзость, – Гарри повернулся Дамблдору и спросил: – А почему вы, директор, этого не сделали?

Минерва помнила ту ночь, будто все случилось только вчера. Тогда она инстинктивно чувствовала: что-то было не так, но приняла заверения Альбуса за чистую монету. А вот сейчас женщина молчать не собиралась:

– «Даже если мог, не стал бы. Шрамы могут сослужить хорошую службу». Вот, что ты мне сказал в ту ночь, и, к сожалению, забыл уточнить, какую именно службу! Как можно было знать, что у младенца в голове находится крестраж, и ничего не предпринять?

– Тогда у меня были только догадки, и мне неизвестны методы удаления крестражей из живого носителя, без вреда для пациента. Обычно они вживлены в неодушевленный объект, который нужно физически уничтожить, – Дамблдор попытался перенаправить негодование в другое русло, – что меня сейчас больше волнует, так это откуда одиннадцатилетний мальчик осведомлен о столь отвратительной магии; что вы за родитель, если учите такому своего ребенка?

Гарри мгновенно вскочил на ноги собираясь ответить зарвавшемуся, по его мнению, старику, когда почувствовал знакомую руку на свое плече:

– Помни чему тебя учили.

Кроу сделал глубокий вдох и взял себя в руки.

– Прости, отец. Потеря самообладания ведет к потере сосредоточенности, потеря сосредоточенности может стоить тебе сражения. Но очень сложно сидеть и выслушивать, как старый мошенник ругает тебя, тогда как за его преступления он должен сейчас находиться в Азкабане.

– Мой сын, безусловно, прав. Младенец был поражен смертельным проклятьем, а вы даже не удосужились провести обследования у целителя! Вместо лечения спасителя магической Великобритании послали вместе с лесником Хогвартса к маглам...

- Я бы доверил Хагриду свою жизнь!

- Вы и не пытаетесь опровергнуть тот факт, что ваши действия не имели никаких законных оснований. Видимо, никакого права у вас и не было? Мой сын хорошо осведомлен о своем прошлом и о том, что ждет его в будущем. Вы также владеете данной информацией и, судя по всему, скрыли ее даже от своих самых близких соратников.

Дамблдор чуть не застонал. Слова, сказанные ранее Северусу, только подтвердились – мальчик знает слишком многое.

- Столь специфическая информация не должна разглашаться детям...

- Даже когда ребенок смог сделать то, чего не сумели вы? Моему сыну предсказано победить Волдеморта, и, тем не менее, он был отдан на воспитание маглами. Остается один вопрос: зачем?

На него отвечать Альбус точно не собирался, поэтому в который раз попытался повернуть разговор в другую сторону:

- Вы тренируете ребенка как воина для нации гоблинов, а я только хотел, чтобы у него было нормальное детство...

- Как именно нормально детство поможет мне победить столь сильного темного волшебника, который однажды уже успел поставить всю страну на колени? – не смог промолчать Гарри

- В пророчестве сказано, что у тебя будет сила, о которой Темный лорд не знает; я полагаю, что это любовь!

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Все тут же уставились на директора в неверии, пытаясь понять серьезно ли тот говорит.

Гарри отмер первый, пока взрослые переваривали столь неоднозначную информацию.

- Неудивительно, что вы так расстроились, когда я убил тролля. Видимо, мне требовалось его обнять, и все стало бы хорошо? По всей видимости, такую же тактику я должен использовать против Волдеморта? Зацеловать до смерти? Извините, конечно, но я планирую, что мой первый поцелуй будет с девочкой.

- Ну зачем утрировать...

- А вы серьезно по поводу любви? Отец, думаю, мы слышали все, что нужно. Нам тут больше делать нечего.

Барчок кивнул, смотря с гордостью на сына, а затем, вспомнив начало разговора, повернулся к Альбусу:

- Да, и на счет вашего предложения. Я не могу, как вы выразились «вернуть мальчика в общество волшебников». Так как все зависит только от самого Гарри. И никто не вправе влиять на его выбор. Что бы он не решил в итоге, я всегда окажу ему поддержку.

Внимание всех сосредоточилось на Барчоке. Как оказалось, его сын единственный, кто мог одержать победу над Волдемортом, и все хотели узнать, останется ли Гарри в Хогвартсе.

- Сегодня по вашей просьбе я прибыл обсудить будущее моего ребенка. Нормальное детство –

это, конечно, хорошо, но только до тех пор, пока оно не означает гибель в подростковом возрасте от руки психопата. Без уроков и тренировок Гарри и его друзья не дожили бы и до двенадцати лет, погибнув под дубинкой тролля в школьном лазарете. И все произошло бы под вашим так называемым надзором! Я надеялся, сегодня мы сможем достигнуть соглашения не о том, что лучше для вас или меня, а о том, что лучше для Гарри. Очевидно, вы не готовы договариваться.

С этими словами гоблин встал, а за ним поднялся и юный Кроу.

Минерва сомневалась, что сегодняшняя встреча могла пройти еще хуже, чем сейчас. У нее было отчаянное желание покинуть кабинет и оказаться как можно дальше от человека, которого женщина когда-то искренне уважала.

– Если не возражаете, я вас провожу, а то тут воздух стал несколько спертый. Я приношу свои извинения за участие в том, что вашего сына оставили на пороге у Дурслей. В свое оправдание хочу сказать, что была категорически против такого решения, но Дамблдор убедил меня в обратном, как и в том, что шрам у младенца ничего особого из себя не представляет.

– Я принимаю ваши извинения и не откажусь от продолжения разговора; мне как раз надо решить вопрос о предоставлении моему сыну и его друзьям частных уроков Защиты. Как уже упоминалось, директор и его решения не вызывают у меня доверия. Поэтому я сомневаюсь, что он сможет найти достойную замену на место одержимого Волдемортом.

Альбус хотел было потребовать ответа, откуда ему известна данная информация, но взял себя в руки, успокоившись тем, что Гарри остается в Хогвартсе, и решил не накалять обстановку еще больше.

Перед уходом, Барчок добавил:

– Дамблдор, на счет вашей угрозы через прессу или Министерство, мой сын совершенно прав – вас никто не держит. Вам уже давно должно было стать ясно то, что нам, в отличие от вас, нечего скрывать. Хотя стоит признать: крестражи – это не та информация, которую стоит печатать на первых полосах Ежедневного Пророка. И еще хотелось бы напомнить, – вы далеко не молоды. Что случится, если вы уйдете в мир иной и никто больше не будет иметь информацию, которую вы так фанатично скрываете? У вас вообще есть план на такой случай?

Гарри, Барчок и МакГонагалл покинули кабинет. По пути отец с заместителем директора стали обсуждать вопрос об учителе Защиты для нескольких первокурсников.

Филиус с трудом себя сдерживал, пока Минерва и остальные не покинули кабинет:

– И после всех моих предостережений ты пытался надавить на Барчока, чтобы тот отказался от сына?! И если столь глупый поступок меня не убедил в твоём сумасбродстве, то комментарии на счет "силы любви" испарили любые сомнения. Думаю, Барчок говорил вполне искренне, когда сообщил, что прибыл сегодня в Хогвартс, дабы найти пути сотрудничества для помощи сыну, правда, оба теперь поняли бесполезность данной затеи. Мальчик не твоя игрушка, с которой можно делать все чего пожелаешь.